

Пахмутова
Александров

«Поймать» их журналисту ей-Богу, труднее, чем какую-нибудь шумно известную поп-диву. У той есть по крайней мере пресс-секретарь: можно позвонить и услышать хоть какой-то ответ... Но тут и звонки по большей части бесполезны: секретаря они не держат («Зачем? Вот, например, Магомаев с Синявской всю жизнь обходятся без секретаря»), а телефонная вилка почти круглосуточно выдернута из розетки. Николай Николаевич любит пересказывать такую притчу-быль: одна дама, в молодые годы работавшая в Министерстве культуры, получила от своего начальства список драматургов, где некоторые фамилии были помечены галочками. «Это те, которые отключают телефон», — объяснили ей... Через несколько лет, уходя из министерства, она снова взглянула в список — и обнаружила: что-то стоящее сделали как раз те, «отмеченные»...

рочество, на которые выпала война. Тогда ее вывезли в Москву из Сталинграда, девочка была принята в Центральную музыкальную школу (откуда потом поступила в Московскую консерваторию к Виссариону Яковлевичу Шебалину). Ученикам давали продовольственную карточку высшей категории — на уровне рабочих оборонных заводов. Значит, правительство было уверено: страна поднимется из руин, и эти дети должны повести вперед советскую музыкальную культуру. А кто были те дети! Среди одноклассников Али Пахмутовой — скрипач Игорь Безродный, Эдуард Грач, пианисты Лазарь Берман, Евгений Малинин, композиторы Роман Леде-нев, Николай Каретников. Среди ребят постарше — скрипач Леонид Коган, виолончелист Мстислав Ростропович...
Сегодня тому же Ростроповичу, усиленно ругающему возрастную его страну за несвободу, при-

ишло впечатление, вызвала к жизни стихи:

*Третий акт, задыхаясь, актер доиграл,
А четвертый с тех пор все никак не начнется...
Много было с тех пор и прощаний, и встреч,
Но я знаю, я твердо уверовал в это:
Только те, кто сердца не умеют беречь,
Берегут человеческий облик планеты.*

Тема человеческого подвига, героика труда — любого, будь то труд артиста или дорожного рабочего — стала одной из ведущих в творчестве и Добронравова, и Пахмутовой. И еще: тема кричащего контраста между высокими человеческими устремлениями и суетной обыденностью, между талантом и бездарностью, между искренностью и цинизмом, между совестью и продажностью... Литературу они вообще считают искусством пред-

К сожалению, у нас не очень много шансов услышать эти песни по телевидению. Игорь Крутой, нынешний владелец прав на «главную» песенную передачу «Песня года», сказал на недавней пресс-конференции, что у Пахмутовой с Добронравовым нет сейчас яркого материала. Да и поет-то их в основном один-единственный исполнитель.

Ну насчет «одного-единственного» — это, конечно, заблуждение. Оставим даже в стороне то, что Пахмутову в отличие от Крутого и др. по-прежнему поют в каждом доме, где любят русскую песню. Да, в последние годы «пахмутовско-добронравовские» ряды действительно понесли потери. Так, не прибавившись ни к одному из правящих на нашем телеэфире кланов, был вынужден уехать из страны талантливейший молодой певец Павел Деметьев. Для него были написаны песни-плакаты, песни-спектакли — «1825 год», «Неголый король», «Ви-

«ТЫ, МОЯ МЕЛОДИЯ»

НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ ДЕЛАЕТ ЭТО ПРИЗНАНИЕ АЛЕКСАНДРЕ ПАХМУТОВОЙ В КАЖДОЙ ПЕСНЕ

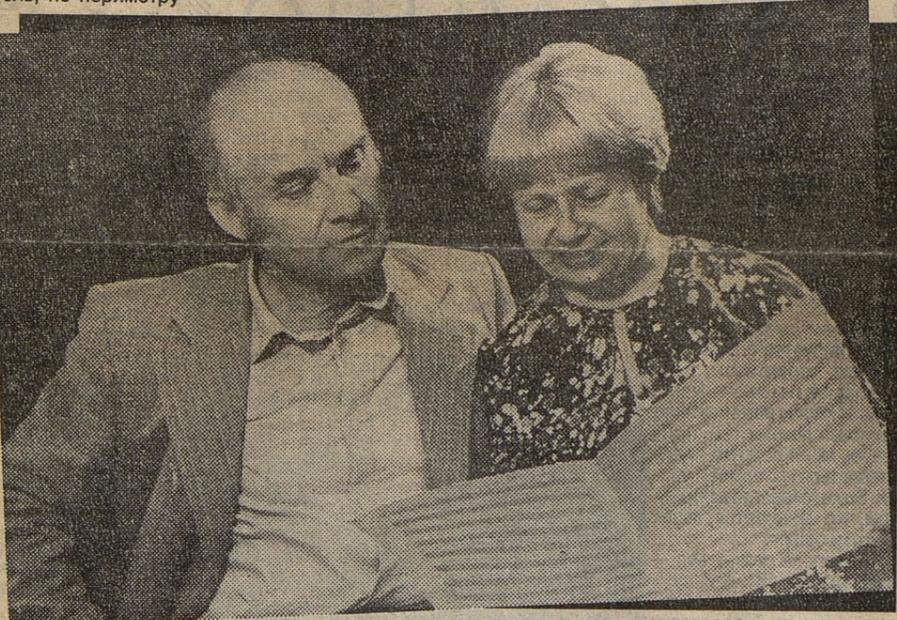
Мне повезло: давнее знакомство, профессиональное и человеческое, послужило «пропуском» в этот дом. Правда, даже ради давнего знакомства хозяева не сделали исключения: интервью они не дают. Но чаем и дружеской беседой угостили на славу.

Дом их устроен просто и уютно. Разумеется, никаких евроремонтов. Памятная людям старших поколений непретенциозная обстановка интеллигентских жилищ 60-х годов — простой паркет, незатейливая мебель, по периметру — книжные стеллажи до потолка. У одной из стен — роуль янтарного цвета. В минуты досуга Александра Николаевна играет на нем своих любимых Моцарта, Шопена, Бизе... Никогда не играет собственной музыки: это — работа. Работает же она без рояля — как когда-то Шостакович, Чайковский. Кстати, и без компьютера — его вовсе нет в доме. «Потому что, — говорит она, — когда пишешь партитуру от руки, это — шанс еще раз подумать над деталями. Вот на записи в студии — другое дело, там техника необходима».

Николай Николаевич тоже по старинке пишет свои стихи на листках бумаги простым карандашом. Эти листки лежат повсюду, даже возле кровати: бывает ведь, что образ приходит вдруг ночью. Безусловно, работа — главное содержание их жизни. Работа и любовь, ведь они вместе 42 года — с тех памятных весны-лета 1956 года, когда, встретившись на Всесоюзном радио, быстро сделали свой выбор — как оказалось, окончательный.

Столь долгое партнерство в браке — вещь, достойная восхищения. Но постоянное партнерство в творчестве — не лишает ли оно притока свежих идей? Нет, считают они, и цитируют Сент-Экзюпери: любить — не значит смотреть друг на друга; любить — значит смотреть в одном направлении. У Добронравова есть много стихов, и не предназначенных для музыки. Пахмутова всегда любила сочинять для инструментов, оркестра...

Ну а смотрят они действительно в одном направлении — том самом, которое обозначено их популярнейшими в 60—80-е годы песнями: «Главное, ребята, сердцем не стареть», «Нежность», «Надежда»... Уютно ли сегодня этим людям в мире, в котором понятия «романтизм», «героика», «любовь к родине», для них являющиеся ключевыми, кажется, вот-вот попадут в словари и энциклопедии с пометкой «устар.»?

Александра Николаевна неожиданно тихим, почти детским голосом поет «За того парня» Марка Фрадкина. И тут же комментирует: «Вот это начало могло быть и в какой-нибудь итальянской, французской песне, здесь, возможно, даже тень Адажио Альбинони мелькает... А вот припев, этот мелодический разлет с его душевной болью, конечно, только в России мог появиться... Притом вслушайтесь — мелодия удивительно цельная, органичная...»

То, что старая эстрада практически изгнана из телеэфира, они оба считают целенаправленно разрушительной политикой. И дело тут не в идеологических причинах. Ведь точно так же мало шансов услышать Чайковского, Прокофьева, Хачатуряна... Просто нынешним «крестным отцам» шоу-бизнеса надо было расчистить место для продукции своих музыкалделателей, и уж они расстарались, чтобы публика вообще забыла, что раньше было что-то хорошее, — так ее легче обольщать, всучая дрянь.

Нет, мои герои не идеализируют искусство прошлого, как и само прошлое. Прекрасно осознают: тогда произносилось много высоких слов, увя, не находивших подтверждения в жизни. И хоть пелось в песне: «Держись, геолог, крепись, геолог, ты солнцу и ветру брат», — но в то же самое время у этих геологов могло не быть элементарных валежек, о чем, как вспоминает Пахмутова, она, «комсомольская богиня» той поры, с возмущением говорила с трибуны съезда комсомола.

Но помнит Александра Николаевна и другое — свое детство, от-

ходится поддерживать некоторых талантливых студентов консерваторий, чтобы они в условиях «свободы» могли учиться, а не зарабатывать на хлеб в подземных переходах — ведь их государственная стипендия едва достигает пяти долларов.

Есть что вспомнить и Николаю Николаевичу Добронравову. Его родители репрессировали. Но в то же время сколько добра довелось увидеть от людей — например, от тех, что окружали в обыкновенной подмосковной школе в поселке Малаховка. О своих учителях он до сих пор не может говорить без волнения, в первую очередь — о преподавателе словесности, директоре школы Якове Васильевиче Васильеве. Как-то, зная, что мальчик горячо интересуется поэзией, он сказал ему: «Хочешь, Коля, я объясню тебе, почему поэт Пушкин лучше Демьяна Бедного? Потому что у Бедного запас слов в десять раз меньше». В день окончания школы, вручая ученику золотую медаль, старый учитель вдруг тихо произнес тютчевское: «Молчи, скрывайся и тай и чувства и мечты свои...» Это 1946 год!

С благоговением говорит Николай Николаевич и о своих старших коллегах по актерской профессии (он окончил школу-студию МХАТ, работал в московском ТЮЗе) — Сергее Гребенникове, ставшем потом и литературным соавтором, великих Евдокимы Турчаниновой, однофамильце Борисе Добронравове. Смерть Бориса Георгиевича прямо на сцене, во время его коронного спектакля «Царь Федор Иоаннович» произвела ошеломля-

сказание, особенно выделяя в этом смысле творчество русских писателей. Например, строки Мережковского — одного из любимейших поэтов Добронравова:

*«Христос воскрес», — поют во храме;
Но грустно мне... Душа молчит.
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.*

Разве не актуальны они сегодня, когда «во храме» держат свечи те, кто еще несколько лет назад по партийному долгу боролся с верой, нынче же их наигранное благочестие подобострастно ловят телекамеры?

Самому Добронравову тоже довелось испытать горькую гордость предсказателя — когда он писал о призраке запустения над великими сибирскими стройками, когда клеймил афганскую войну и тех, кто кинул в нее российских ребят, — а ситуация почти в точности повторилась через десятилетие в Чечне.

Один из признаков подлинной литературы — ее крелатость: таковы многие строки Грибоедова, Пушкина, Гоголя, вошедшие в народную речь. Особенно же это качество важно для песенной поэзии. И пусть кому-то стихи Добронравова нравятся больше, кому-то меньше — но им указанное свойство присуще в высокой степени. Между прочим, замечено: их очень часто используют газетчики в качестве заголовков статей — «Трус не играет в хоккей», «Как молоды мы были», «Усталая подлодка», «Надежда — мой компас земной», «Первый тайм мы уже отыграли»... Строки-афоризмы, достойные замечательных пахмутовских мелодий, с которыми они родились. «Бог фонариком посветил», говорит в таких случаях друг супругов-соавторов Родион Щедрин.

Они и сегодня продолжают творчество — в первую очередь песенное. В этих песнях — прежняя гордость за Россию, но к ней добавилась боль от сегодняшних ее трагедии и унижения. Какой отклик это находит в слушателях, говорит простой факт: целый год песня «Русский вальс» не сходила с первой строки хит-парада одной из наиболее популярных московских газет...

Однажды Александре Николаевне пришло письмо от женщины из Курска: «Спасибо вам за то, что вы в это страшное время не бросили нас и не уехали за кордон». Так возник импульс к написанию песни «Остаюсь с обманутым народом». Горькой насмешкой над сегодняшними «хозяевами жизни» звучит «Песенка о господах и Госпоже» (Госпожа — это Ницета, которая действительно правит бал в нашей многострадальной стране).

ноградная лоза» — с тех пор они не звучат...

«Ребята, не расстраивайтесь, — сказал тогда авторам многоопытный и мудрый Владимир Матецкий, сам не новичок в создании шлягерных мелодий, — вы еще найдете своего исполнителя.» И — как в воду глядел: буквально через месяц в жизнь Пахмутовой и Добронравова вошел Юлиан... Отныне основное, что они написали, — для него. Но на авторском концерте, что состоялся полгода назад в зале «Россия», вместе с Юлианом на сцену поднимались Нонна Мордюкова и Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова и «нанашки», Тамара Гвердцители и Ирина Шведова, Феликс Царикати и детский хор Виктора Попова... Даже такая вроде бы «не пахмутовская» певица, как Лариса Долина, преподнесла сюрприз, спела новую песню «Очаг» — настоящий гимн теплу, доброте, любви.

Тот концерт благодаря поддержке Российского телевидения и дирекции зала «Россия» увидели по всей стране. Но это, увы, скорее, исключение из правила. Куда теснее контакты с радио, особенно с «Маяком»... А самый верный способ донести свои песни до слушателя — это отправиться прямо к нему. И супруги это делают, до сих пор значительную часть времени проводя в гастрольных странствиях. Причем маршруты их ничуть не менее, если не более экзотичны, чем в прежние годы: только что, например, вернулись с Ямала — совершенно влюбленные в этот край, в мужественных и мудрых людей, его населяющих.

Через несколько месяцев должен состояться симфонический концерт из произведений Дунаевского и Пахмутовой — что, впрочем, придумано не Александрой Николаевной, а... Михаилом Плетневым, который эту музыку любит с детства и теперь решил ею прориджировать. А еще супруги мечтают написать мюзикл на сюжет, связанный со столь любимым ими миром звукозаписи. Если найдется человек или структура, желающие поддержать это начинание, оно увидит свет.

Увы, мы живем в жесткое время. Иногда кажется, что его законы перекрыли в искусстве возможность проявления всему, кроме откровенной глупости и похабщины. Но нет, считают мои собеседники. У естества — свои законы, и они сильнее. Ведь продолжают входить в мир молодые поколения, они приносят с собой новые таланты, новые надежды. Эти ростки обязательно пробьются сквозь асфальт, вот только слой его с каждым годом становится все толще. Но недаром поется в одной из новых песен Пахмутовой и Добронравова:

*От небесного луча,
Что на грешный мир пролит,
Веры тонкая свеча
В темноте горит.*

Сергей БИРЮКОВ.

18.12.98